

Кеннан Джордж

Сибирь и ссылка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джордж К.**
Сибирь и ссылка / Кеннан Джордж – М.: Книга по Требованию, 2022. –
313 с.

ISBN 978-5-519-88859-2

ISBN 978-5-519-88859-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе автора.

Главамъ о Сибири и о системѣ ссылки я долженъ предположить нѣсколько словъ объ условіяхъ, при которыхъ мнѣ пришлось путешествовать, и изложить мое тогдашнее мнѣніе о русскихъ дѣлахъ. Мысль изслѣдовать менѣе извѣстныя части Сибири и тщательно изучить систему ссылки впервые болѣе или менѣе опредѣлилась у меня въ 1879 году. Послѣ наблюдений, которыя мнѣ удалось сдѣлать въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ моего перваго посѣщенія Сибири и во время предпринятаго затѣмъ путешествія на лошадахъ въ 5000 англійскихъ миль, Сибирь показалаcя чрезвычайно интересной и многообѣщающей областью для изслѣдователя. Она была, конечно, сравнительно хорошо извѣстна русскимъ, отчасти или вполне владѣющимъ ею въ теченіе 300 лѣтъ, но для американца она въ то время была такою же *terra incognita*, какъ центральная Африка или Тибетъ. Убіеніе Александра II въ 1881 году и ссылка большого количества русскихъ революціонеровъ въ рудники Забайкалья усилили мой интересъ къ Сибири и дали новую опору моему желанію не только изучить на мѣстѣ систему ссылки, но изслѣдовать также революціонное движеніе Россіи въ той части имперіи, гдѣ подобное изслѣдованіе только и могло рассчитывать на успѣхъ, именно — въ мѣстахъ ссылки революціонеровъ. Мнѣ казалось безнадежнымъ предпріятіемъ искать нигилистовъ или добиваться объясненія политическихъ событій и интересующаго меня соціальнаго явленія въ Петербургѣ или Москвѣ. Самые выдающіеся активные дѣятели революціонной драмы 1878—1879 годовъ уже находились въ Сибири; если полиція русскаго правительства и не могла разыскать немногихъ остававшихся еще въ Европейской Россіи, то мнѣ, конечно, никоимъ обра-

зомъ нельзя было разсчитывать на это. Въ Сибири, пожалуй, было возможно войти въ сношенія съ сосланными нигилистами и именно тамъ надо было попытаться получить желаемое разрѣшеніе.

Разныя обстоятельства, недостатокъ времени и средствъ для столь значительнаго путешествія не дали мнѣ возможности осуществить свое намѣреніе до лѣта 1884 года, когда издатель „Century Magazine“, заинтересовавшійся моими планами, предложилъ мнѣ отправиться въ Сибирь и опубликовать затѣмъ результаты путешествія въ его журналѣ. Мною была предпринята предварительная поѣздка въ Петербургъ и Москву, чтобы собрать необходимый матеріалъ и удостовѣриться, не окажется ли русское правительство какого-либо противо-дѣйствія моему предпріятію. Въ октябрѣ я вернулся съ увѣренностью, что мой планъ выполнимъ, что въ Сибири нѣтъ ничего, что бы желали скрыть, и что, наконецъ, мое имя въ литературѣ — если только я имѣлъ его — склонило русское правительство въ мою пользу и обезпечило мнѣ всѣ облегченія, на которыя могъ разсчитывать благоразумный изслѣдователь. Мое тогдашнее мнѣніе о сибирской системѣ ссылки и объ отношеніи къ политическимъ преступникамъ со стороны русскаго правительства вполне и открыто высказано въ докладѣ, который я читалъ въ 1882 году въ Географическомъ Обществѣ въ Нью-Йоркѣ, а также въ послѣдовавшей за нимъ газетной полемикѣ. Я полагалъ, что писатели, какъ, напр., Степнякъ и князь Кропоткинъ, зло оклеветали русское правительство и систему ссылки, что Сибирь — вовсе уже не такая ужасная страна, какою воображаютъ ее себѣ американцы, что болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ описанія сибирскихъ рудниковъ и тюремъ въ только что появившейся книгѣ священника Henry Lansdell. Нигилистовъ, террористовъ и вообще политическихъ недовольныхъ, державшихъ столько времени Россію въ страхѣ и ужасѣ, я считалъ, хотя и не высказывалъ этого, неблагоприятными и упрямыми фанатиками того анархическаго типа, съ которымъ намъ за послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ пришлось свести столь непріятное знакомство. Однимъ словомъ, я былъ настроенъ въ пользу русскаго правительства и противъ русскихъ революціонеровъ. Я вѣжу особую важность въ этомъ обстоятельствѣ не потому, чтобы мое мнѣніе тогда само по себѣ имѣло какую-либо особенную

цѣнность, но потому, что правильно оцѣнить результаты ка-кого-либо изслѣдованія можно только въ томъ случаѣ, когда извѣстны предубѣжденіе и личныя симпатіи изслѣдователя. Далѣе, этому обстоятельству я приписываю значеніе еще и потому, что оно отчасти объясняетъ то дружеское располо-женіе, которое проявляло по отношенію ко мнѣ русское пра-вительство; именно этимъ объясняется и полученіе мною раз-рѣшенія посѣщать тюрьмы и рудники, и тѣ сравнительно незначительныя препятствія, которыя ставились мнѣ на моемъ пути, въ видѣ ареста и содержанія подъ стражей, даже послѣ того, какъ мои поступки и связи вполнѣ основательно навлекли на себя подозрѣніе мѣстныхъ сибирскихъ властей. Весьма со-мнительно, чтобы путешественнику, не раздѣлявшему заранее видовъ правительства, была разрѣшена поѣздка по Сибири съ ясно выраженнымъ намѣреніемъ изучить систему ссылки или чтобы онъ могъ избѣгнуть серьезныхъ непріятностей послѣ того, какъ открылась, что онъ вступилъ въ сношенія съ опасными политическими преступниками самаго дурного сорта и жилъ съ ними по-дружески. Только письмо русскаго мини-стра внутреннихъ дѣлъ спасало меня при моихъ частыхъ столкновеніяхъ съ полиціей и подозрительными мѣстными чи-новниками въ отдаленныхъ сибирскихъ деревняхъ отъ постоян-ныхъ арестовъ, тюремнаго заключенія или обыска и меня лично, и моего багажа, — отъ всего того, что въ совокупности должно было повлечь за собою высылку меня по этапу изъ предѣловъ имперіи и утрату моихъ замѣтокъ и документовъ. Это письмо, мой якорь спасенія въ трудныя минуты, никогда не попало бы въ мои руки, если бы я не былъ извѣстенъ, какъ защитникъ русскаго правительства противъ нападокъ нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ враговъ, или если бы не предполагали, что гордость и желаніе казаться послѣдова-тельнымъ, вѣроятно, не позволятъ мнѣ сознаться въ своемъ заблужденіи даже и въ томъ случаѣ, когда тюрьмы и ссылка окажутся хуже, чѣмъ я ожидалъ. Эта книга должна выяснитъ, насколько мое мнѣніе было основательно и насколько мои предубѣжденія совпадали съ фактами.

Заканчивая это введеніе, я хотѣлъ бы еще высказать свою искреннѣйшую, сердечнѣйшую благодарность всѣмъ моимъ многочисленнымъ друзьямъ, знакомымъ и доброжелателямъ въ Россіи и Сибири, которые поощряли меня, содѣйствовали

моимъ изслѣдованіямъ и доставляли мнѣ весьма цѣнные матеріалы. Одни изъ нихъ — политическіе ссыльные, рассказывая мнѣ свою жизнь, рисковали тою жалкою будущностью, которая у нихъ еще оставалась впереди; другіе — офицеры конвойной команды, повѣрившіе, что я не сообщу ихъ именъ, безъ утайки сообщили мнѣ результаты своего многолѣтняго опыта; третьи, наконецъ, — честные, гуманные тюремные чиновники, тщетно докладывавшіе по начальству о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ тюремной системы, рассказали, наконецъ, о нихъ мнѣ, дѣлая послѣднюю попытку обратить вниманіе правительства и общества. Большинство этихъ людей я не могу назвать по имени. Хотя заслуги и характеры этихъ лицъ таковы, что ихъ имена заслуживаютъ памяти, они имѣютъ, однако, несчастье жить въ странѣ, гдѣ откровенно высказанное мнѣніе служить для правительства доказательствомъ „неблагонадежности“, а стремленіе къ улучшеніямъ наказуется какъ преступленіе. Упомянутіе именъ навлекло бы на этихъ людей подозрѣніе и надзоръ со стороны правительства и лишило бы ихъ и безъ того ограниченной возможности дѣлать добро. Свою благодарность за ихъ довѣріе, радушіе и помощь я могу выказать только тѣмъ, что полученные мною свѣдѣнія использую въ ихъ духѣ, — въ интересахъ гуманности, свободы лучшаго правленія. Къ Россіи и русскому народу я питаю искреннѣйшее расположеніе и симпатію; если бы мнѣ удалось искреннимъ сообщеніемъ результатовъ своихъ изслѣдованій ближе познакомить общество съ Россіей и ея народомъ и хоть немного облегчить судьбу тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ „до Бога высоко, до царя далеко“, то это было бы для меня лучшей наградой за тягостное путешествіе и горькія испытанія въ моей жизни.

Георгій Кеннанъ.

I.

Черезъ русскую границу.

Сибирская экспедиція, снаряженная издателемъ журнала „Century Magazine“, вышла изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль 2 мая 1885 года. Она состояла изъ Георгія А. Фроста, бостонскаго художника, и автора этой книги. Мы оба говорили по-русски и оба бывали уже въ Сибири; я лично посѣщалъ русское царство четвертый разъ. Мы познакомились другъ съ другомъ на службѣ русско-американскаго телеграфнаго общества, а тягости и лишенія путешествія по Сибири стали намъ извѣстны благодаря болѣе или менѣе продолжительному пребыванію въ сѣверной Азии. Нашъ планъ дѣйствій былъ одобренъ организаторомъ нашей экспедиціи; мы получили отъ него самыя широкія полномочія относительно средствъ и путей для достиженія нашей цѣли и, хотя вполнѣ сознавали всю серьезность нашего предпріятія, все же надѣялись на успѣхъ. Въ воскресенье 10-го мая мы были въ Лондонѣ и 13-го въ среду начали свое путешествіе въ Петербургъ черезъ Дувръ, Остенде, Кельнъ, Ганноверъ, Берлинъ и Эйденбургъ. Такъ какъ весна подходила уже къ концу и для насъ имѣло большое значеніе попасть въ Сибирь какъ можно скорѣе для того, чтобы можно было воспользоваться лѣтнимъ временемъ и хорошими дорогами, то я рѣшилъ пробыть въ русской столицѣ только пять дней; но мы имѣли несчастье прибыть въ Петербургъ какъ разъ къ началу длиннаго ряда церковныхъ праздниковъ, и изъ десяти дней только четыре могли использовать на свои дѣла.

Добившись аудіенціи у г. Влангалли, секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ, я вручилъ ему рекомендательныя письма и откровенно сообщилъ о нашихъ намѣреніяхъ. Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, нѣкоторые писатели отнеслись съ пристрастіемъ къ Сибири и къ системѣ ссылки, зло оклеветавъ ихъ; что отвѣчающее дѣйствительности описаніе страны, тюремъ и рудниковъ скорѣе могло бы послужить на пользу русскому правительству, чѣмъ во вредъ, и что, наконецъ, врядъ ли кто нибудь можетъ заподозрить меня въ томъ, что я, ранѣе публично выступавшій съ защитой русскаго правительства, стану теперь разыскивать въ Сибири факты, которые уличили бы меня во лжи. Мои разъясненія, которыя отвѣчали моему искреннему убѣжденію, расположили, казалось, г. Влангалли въ мою пользу; въ концѣ аудіенціи, длившейся минутъ 20, онъ сообщилъ мнѣ, что разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь мы получимъ во всякомъ случаѣ;

со своей стороны онъ окажетъ всевозможное содѣйствіе нашему предпріятію открытымъ листомъ ко всѣмъ губернаторамъ Сибири и, сверхъ того, постарается снабдить насъ рекомендательнымъ письмомъ министра внутреннихъ дѣлъ. На вопросъ, откроютъ ли намъ эти письма доступъ въ сибирскія тюрьмы, мы получили отрицательный отвѣтъ, такъ какъ такое разрѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть исходатайствовано у губернаторовъ соответственныхъ областей. Онъ не пожелалъ высказаться относительно шансовъ на получение подобнаго разрѣшенія. Я заключилъ отсюда, что правительство не намѣрено снабдить насъ неограниченными полномочіями, но сохранить надъ нами дружественный контроль и, смотря по обстоятельствамъ, будетъ то допускать насъ въ тюрьмы, то отказывать въ этомъ. Мнѣ казалось болѣе благоразумнымъ не настаивать на дальнѣйшихъ разрѣшеніяхъ, хотя я и предвидѣлъ много трудностей; поблагодаривъ за предупредительный и благосклонный пріемъ, я удалился.

Нѣсколько дней спустя, на второй аудіенціи, г. Влангалли вручилъ мнѣ обѣщанныя письма, пожелавъ при этомъ, чтобы я, по пути въ Сибирь, въ Москвѣ представился г. Каткову, извѣстному издателю „Московскихъ Вѣдомостей“. Я получилъ запечатанное рекомендательное письмо къ хранителю правительственнаго архива въ Москвѣ барону Булеру, который долженъ былъ отрекомендовать меня г. Каткову. Характеръ и карьера великаго русскаго поборника автократіи мнѣ были не безызвѣстны, и я былъ радъ познакомиться съ нимъ, хотя, казалось, я угадывалъ истинную причину желанія г. Влангалли: талантливый и убѣжденный публицистъ долженъ былъ укрѣпить во мнѣ благопріятное мнѣніе о русскомъ правительствѣ; его взгляды на русскую политику должны были оказать на меня свое дѣйствіе и этимъ предохранить меня отъ опасности подпасть подъ вліяніе сосланныхъ нигилистовъ, съ которыми я могъ бы встрѣтиться во время путешествія по Сибири. Эта предусмотрительность казалась мнѣ совершенно излишней, такъ какъ мое мнѣніе о нигилистахъ было уже настолько не въ ихъ пользу, насколько этого могло желать правительство. Что касается мнѣній, высказанныхъ мною высокопоставленнымъ русскимъ чиновникамъ, то я не могу упрекнуть себя ни въ недостаткѣ откровенности, ни въ лицемеріи. Я получилъ разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь отнюдь не благодаря обману или притворству. Не вслѣдствіе неискренности мое теперешнее мнѣніе не сходится съ тѣмъ, которое я въ 1885 году высказывалъ г. Влангалли, но потому, что, на основаніи поразительныхъ фактовъ, мои взгляды измѣнились.

Послѣ того, какъ мы приобрѣли фотографическій аппаратъ, необходимыя книги и карты и получили около 50 рекомендательныхъ писемъ къ учителямъ, горнымъ инженерамъ и правительственнымъ чиновникамъ во всѣхъ частяхъ Сибири, мы 31-го мая послѣ обѣда выѣхали изъ Петербурга въ Москву. Разстояніе отъ русской столицы до сибирской границы равняется приблизительно 1600 англ. милямъ (2410 верстъ) и путь, которымъ преимущественно пользуются путешественники и ссыльные, проходитъ черезъ Москву, Нижній, Казань, Пермь и Екатеринбургъ. Русская желѣзнодорожная сѣтъ кончается на востокѣ въ

Нижнемъ, но лѣтомъ пароходы по Волгѣ и Камѣ поддерживаютъ сообщеніе этого города съ Пермью. Отдѣльная желѣзная дорога, въ 467 верстъ длиною, которая прорѣзываетъ Ураль и соединяетъ водные пути Волги и Оби, ведетъ изъ Перми въ Екатеринбургъ¹⁾).

По прибытіи въ Москву, я передалъ барону Булеру запечатанное рекомендательное письмо и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ мы, къ сожалѣнію, узнали, что г. Катковъ уѣхалъ изъ Москвы и его отсутствіе продолжится 2—3 недѣли. Такъ какъ мы не могли ждать его возвращенія, а больше въ Москвѣ насъ ничто не удерживало, то мы выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Нижній, куда и прибыли въ четвергъ утромъ 4-го іюня. Путешественника, посѣщающаго впервые Нижній, при видѣ города охватываетъ удивленіе, даже ужасъ, когда онъ съ вокзала на низкомъ берегу Оки направляется къ Волгѣ. Чистыя, хорошо вымощенныя улицы, длинные ряды массивныхъ зданій, бульваръ, засаженный вѣтвистыми березами и тополями, каналъ съ перекинутыми черезъ него граціозными мостами, живописная водокачка, величественный соборъ Александра Невского, биржа, театры, гостиницы, площади — все это, повидимому, указываетъ на жизнь многолюднаго торговаго города, — но никакого признака живыхъ существъ нигдѣ нѣтъ. На вымершихъ улицахъ растетъ всюду трава. Птицы чирикаютъ въ деревьяхъ безлюднаго тѣнистаго бульвара, многочисленные лавки и товарные склады заперты наглухо, церковные колокола безмолвствуютъ, и удивленный пріѣзжій долго можетъ бродить вдоль рядовъ, не замѣчая ни открытой двери, ни экипажа, не встрѣчая ни единой человѣческой души. Если онъ вспомнить, что Нижній - Новгородъ извѣстенъ своей ярмаркой, то онъ выведетъ заключеніе, что эта опустѣвшая часть города и есть мѣсто знаменитой ярмарки, хотя его и поразитъ мысль, что этотъ городъ, кажущійся въ теченіе девяти мѣсяцевъ какъ бы вымершимъ, предназначенъ исключительно для этой временной цѣли. Ярмарочная часть Нижняго лежитъ на низменномъ полуостровѣ между Окой и Волгой, нѣсколько выше ихъ сліянія; старый городъ расположенъ на крутой террасѣ въ 400 футовъ высокою на правомъ берегу Оки. Ярмарочный городъ въ то же время представляетъ собою огромный торговый „каравансарай“, куда ежегодно съѣзжается до 500.000 человѣкъ для купли и продажи товаровъ. Въ сентябрѣ число его жителей часто простирается до 100.000 чел., а цѣнность сложеннаго здѣсь добра доходитъ до 75.000.000 долларовъ (150.000.000 руб.). Въ январѣ же, февралѣ и мартѣ всѣ его жители могли бы помѣститься въ самой незначительной изъ тамошнихъ гостиницъ и всѣ запасы товаровъ можно было бы сложить въ одномъ изъ многочисленныхъ складовъ. Здѣсь господствуетъ нѣчто въ родѣ перемежающейся торговой лихорадки: за ежегоднымъ парок-

¹⁾ Во время нашего пребыванія въ Сибири была закончена желѣзная дорога до Тюмени, расположенной на одномъ изъ притоковъ Оби, такъ что въ настоящее время Петербургъ соединенъ съ Семипалатинскомъ и Томскомъ при помощи пароходства и желѣзной дороги.

сизмомъ напряженной, неестественной дѣятельности слѣдуетъ долгій промежутокъ бездѣйствія и оцѣпененія.

Съ перваго взгляда кажется прямо-таки невѣроятнымъ, чтобы такой большой городъ, съ церквями, мечетями, театрами, площадями, банками, гостиницами, биржей, почтъ съ 7.000 лавокъ и столькими же жилыми домами, служилъ своимъ пѣльямъ столь недолгое время, а затѣмъ совершенно покидался. Когда я впервые увидѣлъ этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ въ январѣ 1868 года въ ясную зимнюю ночь, онъ представлялъ собою необычайную картину безжизненности и унынія. Луна освѣщала длинныя, тихія, покрытыя снѣгомъ улицы и изливала свое серебристое сянiе на бѣлыя стѣны и куполы стараго собора; въ ея пѣжномъ свѣтѣ сверкали навѣянные къ закрытымъ дверямъ снѣжныя массы и покрытыя бѣлой пеленой крыши. Городъ казался не только безлюднымъ, но и покореннымъ сѣверными стихіями безжизненности и льда.

Осенью 1870 г. во время ежегодной ярмарки я съ трудомъ узналъ городъ: онъ былъ окруженъ лѣсомъ мачтъ, безпрестанно въ пыльной, душной атмосферѣ раздавался рѣзкій пароходный свистокъ; на берегу и въ лавкахъ были сложены товары цѣнностью до 125.000.000 руб.; всѣ зданія были переполнены; 60.000 человекъ ежедневно направлялись чрезъ понтонный мостъ въ старый городъ; на большомъ бульварѣ, передъ домомъ губернатора, военный оркестръ исполнялъ увертюры Оффенбаховскихъ оперетокъ и на всѣхъ улицахъ проснушагося послѣ долгаго сна города двигались поглощенные дѣлами, жизнерадостныя толпы людей.

И вотъ опять увидѣлъ я ярмарочный городъ въ іюнѣ 1885 г.: онъ былъ такъ же покинутъ, какъ и при первомъ моемъ посѣщеніи, но во многихъ отношеніяхъ измѣнился къ лучшему. Массивныя кирпичныя зданія замѣнили собою длинныя ряды деревянныхъ лавокъ и сараевъ; многія улицы были вымощены заново; число товарныхъ складовъ значительно увеличилось, и на низкомъ концѣ полуострова возвышался большой соборъ Александра Невскаго — самое выдающееся зданіе ярмарочнаго города.

Не оправдалось предположеніе, что нижегородская ярмарка съ постепеннымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти и облегченіемъ сообщенія потеряетъ свое значеніе. Съ 1868 г. до 1881 г. стоимость ежегодно привозимыхъ на ярмарку товаровъ повысилась съ 120.000.000 руб. до 246.000.000, а число лавокъ и товарныхъ складовъ возросло съ 5.738 до 6.298. Въ настоящее время въ теченіе двухъ ярмарочныхъ мѣсяцевъ происходитъ товарообмѣнъ на сумму 225.000.000 руб. и число лавокъ и товарныхъ складовъ превышаетъ 7.000. Станція Московско-Нижегородской желѣзной дороги находится въ предѣлахъ ярмарочнаго города на лѣвомъ берегу Оки и лѣтомъ сообщеніе поддерживается со старымъ городомъ, расположеннымъ на другомъ берегу, посредствомъ парового парома и разводнаго моста. Видъ на укрѣпленный старый городъ со стороны рѣки чрезвычайно живописенъ. Высокій крутой берегъ, на которомъ онъ расположенъ, почти непосредственно изъ воды поднимается до высоты 400 футовъ; идущія вверхъ,